

An aerial photograph of a vast, turquoise sea under a bright blue sky with wispy white clouds. A white rectangular text box is centered in the upper half of the image. The text inside the box is in a black serif font. Below the author's name, there is a thin horizontal line. The water in the foreground shows some white foam, likely from a boat's wake. In the distance, a rocky breakwater and a pier are visible on the right side.

Александр Сафронов

Остров Ша.

Александр Сафронов

Остров Ша

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сафронов А. И.

Остров Ша / А. И. Сафронов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Неудачно выбранная дорога в жизни может завести даже на остров, затерянный на побережье моря командора Баренца. Во всяком случае, именно так случилось с Костей Ф. История где-то смешная, где-то грустная. Потому как, и того, и другого хватало в жизни этого негероического лейтенанта. Содержит нецензурную брань.

Остров Ша.

От соавтора.

Наметилась острая необходимость объясниться, дабы у почтенного читателя не возникло недоумения или, боже упаси, раздражения.

Ну, в самом деле, что это за «лейтенант Эф», «остров Ша», да ещё в придачу с «боцманом Эбёнсом»? Мы в какой-нибудь Шотландии, что ли, или на другую планету залетели с дружеским визитом?

На эти справедливые вопросы, авторский коллектив в лице, ох, как давно не лейтенанта, а просто гражданина Ф.(или всё-таки лучше сказать: Эф) и меня, его соавтора, просит принять искренние заверения в том, что никуда с нашей планеты отлучаться не собирался, а остров Ша относится к исконным, русским землям. Касательно же, боцмана, спешу сообщить, что глупейшее прозвище прилипло к этому достойному моряку, по причине своеобразия его манеры изъясняться и по дурости сослуживцев.

Но войдите, и Вы, дорогой читатель, в щекотливость положения авторского коллектива. Ведь, понятно, что остров, по которому в рабочее время слоняется лейтенант, к слову сказать, не самого геройского вида, безусловно, имеет отношение к обороне. А при таком раскладе, уж извините, это пахнет военной тайной. А если кто не знает, что это такое, пусть поинтересуется у старших товарищей, которые пуганные и в своё время давали подписку о неразглашении. Поэтому, приходится использовать лёгкий шифр: «Ша» и многозначительная точка.

К тому же, у военных всё пронумеровано, прошнуровано и прикрыто маскировочной сеткой. И вполне можно допустить, что и данному острову присвоили какой-нибудь инвентарный номер. Что-нибудь, вроде: «Остров Ша 19 дробь 85», а то ещё какой-нибудь «бис» в конце прилепили. И если переносить на бумагу всю эту туманную цифирь, то произведение или, даже сказать, повесть, станет отдавать трактатом, как плохое вино уксусом. Чего, авторскому коллективу хотелось бы избежать.

Кстати, о коллективе авторов. Судьба свела меня с Эф, в одной коммерческой конторе, где мы с ним убивали рабочее время, деля кабинет пополам. Предприятию, явно покровительствовали небеса, иначе объяснить, почему оно не прогорело, даже не по вине кризисов, а по избытию внутри корпоративной дурости, будет сложно.

Но завхоза Эф, эта тихая заводь в штормовом океане доморощенного бизнеса не устроила, и он написал заявление по собственному желанию. При этом, философски заметив, что данное закрытое акционерное общество похоже на приют для притихших неврастеников под предводительством буйно помешанного идиота.

Сразу после написания заявления, Эф принялся освобождать стол от лишних бумаг, или, как он выразился: «окаменевшего говна».

Вот тогда, мне и попалась на глаза стопка пожелтевших от времени разнокалиберных страниц, в синей папке ещё советского производства. С разрешения Эф, я просмотрел несколько листов из этой пачки, а потом попросил не выбрасывать эти бумаги, а оставить их мне на память.

Он усмехнулся в свои рыжие усы, и сказал, чтобы на причитающуюся ему часть гонорара от публикации, я установил бюст автора на его бывшем рабочем столе. В качестве материала для памятника, Эф указал на клееный брус, которым тогда занималась наша, богоугодная контора.

Перечитав записки, я убедился, что автор не стремился к сохранению архивной точности событий. На это указывали фейерверки ненормативной лексики и галерея похабных рисунков. Иллюстрации к тексту демонстрировали запущенность полового вопроса в жизни Эф, в пору его пребывания лейтенантом на острове Ша, и привести их здесь, не представляется возможным.

На прощание Эф сказал, что лейтенантом он был дрянным, служил на корабле, мягко говоря, чудаковатом, и его, по сути, юношеские замечания могут бросить тень на людей истинно флотских, чего бы ему, на склоне лет, не хотелось.

Поэтому, если мне всё-таки удастся найти достойный литературный эквивалент его матерщине, то он просит его фамилию на обложке не указывать.

Относительно же имя – отчества разговора не было, поэтому, со всем моим почтением, позвольте отрекомендовать: лейтенант Константин Игоревич Ф.

Или всё-таки лучше будет: Эф.

Глава 1. Кукуруза.

Пейзаж подсказывал, что край земли где-то совсем рядом.

Сколько хватало глаз, титанические гранитные валуны, меланхолично выступающие из тёмных морских вод, были скупно разбавлены хилой зеленью заполярного августа.

И если у земли есть попа, то она вполне могла быть деликатно прикрыта этими двумя островами, названия которых шкипер обозначил, как Зелёный и Медведь.

То, что этот дед «дежурный шкипер», лейтенант Эф узнал минуту назад и теперь старался спрятать своё недоумение, поскольку образ «шкипера» никак не хотел сочетаться, с потрёпанным брезентовым макинтошем этого старикана, и метлой, которой он подметал аппарель плавучего причала.

Романтический ободок образа шкипера, продуваемый всеми ветрами с полотен художника Айвазовского, таял, как пломбир на солнцепёке. Картины этого великого мастера висели на стенах парадного коридора училища, из которого Эф имел честь выпуститься месяц тому назад. Знаменитый маринист подарил свои работы морскому училищу, построенному ещё в Санкт-Петербурге, но волею судеб, оказавшемуся в Ленинграде.

Но Константин Иванович Айвазовский родился в тёплой Феодосии и любил южные моря, а Константин Игоревич Эф прибыл, для дальнейшего прохождения службы, на море Баренца, где брезентовый макинтош в августе самое то. А метла, в руках деда, лишь подчёркивала бескрайность его должностных обязанностей, которые не были стеснены рамками функций шкипера, а простирались до забот сторожа и даже дворника. Ведь, привязанная к причалу плавмастерская, была единственным признаком человеческой цивилизации, в обозреваемых земных окрестностях.

- А катер с острова Ша сюда приходит?
- Летом сюда, зимой в Видяево. Здесь, зимой всё замерзает.
- А когда будет?
- Вы удачно подошли. Думаю, скоро появится из-за тех островов.

В глазах шкипера тлели ироничные угольки, те, что проглядывают у человека, прошедшего суровую школу жизни, и сподобившегося избежать отсидки второго года в каком-нибудь из её классов.

Но шкипер не позволял «уголькам» разгореться, хотя блестящая мишура парадной формы лейтенанта на фоне нелюдимого гранита располагала к изящному юмору.

Он, кивком, поблагодарил за предложенную сигарету и, рассмотрев её название, уточнил:

- Московская?
- Да... Я в Москве в отпуске был, у родителей.
- И как столица?
- Перестройка... – пожал плечами Костя. Шкипер понимающе кивнул.

Новый рулевой державы так часто произносил это заклинание, и так безобразно много словоблудствовал по поводу «перестройки» с экрана телевизора, что граждане стали понимать друг друга без слов.

– За водкой очереди, как в мавзолей.

Из теперешней жизни столицы Костя выхватил главную, на его взгляд, примету.

Тут, Эф, что называется «ради красного словца» наотмашь рубанул гиперболой. Всё-таки, в покои Ильича очереди ходили на крепостную стену, а в вино-водочные отделы продовольственных магазинов, всего лишь, на лёгкий штакетник вокруг шести соток дачного счастья.

В позапрошлом году, курсант Эф, в числе прочих участников ноябрьского парада на Красной площади, посетил мавзолей, для чего «крепостная» очередь была заблаговременно раздвинута милицией.

Как и всякое подземелье, пристанище вождя победившего пролетариата, радовало лишь на выходе. Приглушённое освещение, подчёркивающее восковую желтизну лица Ильича и изобилие голубых погон с буквами «ГБ», наводило на размышления о дизайне в настоящей преисподней.

Шкипер покачал головой:

- Нет, у нас очередей нет.
- Водка свободно стоит на прилавке?!
- Нет, водки тоже нет.
- Понятно.
- У нас талоны. Пока только на водку. Но я думаю, это только начало.
- Почему вы так думаете?
- Потому, что всё это уже было.
- Что «всё»?
- Лупились в дёсны с братьями-американцами, потом резали армию и флот, пустые прилавки магазинов... Разница лишь в том, что у тогдашнего реформатора на лысине была бородавка, а у теперешнего – пятно.

Новенький, блестявый, как обёртка от шоколадной конфеты лейтенант, два месяца назад сдавший государственный экзамен по «Научному коммунизму», обернулся, словно желая убедиться, что у гранита нет ушей, на подобии тех, что присутствовали у стен с шедеврами великого Айвазовского.

Но сопки хранили тысячелетнее безразличие, и Эф снова достал пачку столичных сигарет. Шкипер закурил и добавил:

– Правда, при Никите ещё кукуруза была.

– Какая кукуруза?

– Обыкновенная. Поехал Никита Сергеевич в Америку. Встретили его, как родного. Зять Никиты, редактор центральной газеты, написал по этому поводу в-о-о-т такую книжку – шкипер развёл руки, как это делают рыбаки, рассказывая о своих трофеях.

– Граф Лев Николаевич, если бы увидел толщину фолианта, расстроился бы до слёз. Ну, и очень Никиту кукуруза впечатлила. Он ведь сельский малый был, как и нынешний мудозвон.

При столь ёмкой характеристике главы государства, Эф повторно пристально оглядел гранитные стены.

– Лейтенант, чего ты всё оглядываешься? Не бзди, там дальше, только тюлени.

Шкипер элегантно щелчком отправил окурочек в накупившиеся волны моря командора Баренца, и не торопливо, уже не стараясь притушить ироничные угольки в своих глазах, перевернул следующую страницу собственных мемуаров:

– Ну, и стали сажать по стране кукурузу, как в песне: «От Москвы до самых, до окраин». Слышал такую песню? Я в то время был председателем здешнего колхоза. Богатый, между прочим, колхоз был. Звонят из обкома партии: будешь кукурузу выращивать, готовься принимать саженцы. Я говорю, а ничего, что мы за Полярным кругом находимся? Меня т-а-а-ким матом обложили, что я в щель забился, и сижу не чирикаю. Эти саженцы до Мурманска железнодорожными составами везли! Объёмы представляешь? Получил саженцы, вместе с которыми приехал яйцеголовый дядя из Москвы. Доктор наук. И рассказывает этот дядя, что климат нашего Кольского полуострова для американской кукурузы, как родной, а может ещё и лучше.

– И что, посадили саженцы?

– А то! По шкерту вымеряли! Чтобы ровными квадратами было, как в Америке. Яйцеголовый всё переживал по этому поводу. Потом этот учёный-аграрий уехал, и на следующее утро ударили заморозки. И все эти квадратные поля отправились к...

Тут, шкипер указал достаточно точные координаты, куда улетела кукурузная мечта неутомимого кормчего страны.

Он взял паузу, видимо, заново пересчитывая убытки от сельскохозяйственной авантюры на одной шестой части земной суши, потом продолжил.

– Посмотрел я на это дело и подумал: не буду пока докладывать в обком, подожду. Ведь, не у одного меня заморозки были, у всех саженцы помёрзли. И точно, те председатели колхозов, что первыми побежали докладывать, получили по полной. Их мордой об стол возили, будь здоров! Остальным в назидание. Вплоть до исключения из партии! Но потом стало понятно, что у всех кукуруза сдохла, и спустили это дело на тормозах. Всех-то с должностей не поснимаешь.

Шкипер перестал листать свои мемуары, и показал рукой на островки, между которыми усердно дымил катер.

– Вон, твой дредноут, лейтенант.

По мере приближения катера, становилось видно, что этот скиталец по внутренним акваториям, повидал на своём веку достаточно.

Наверняка, он был свидетелем и давнишней кукурузно-партийной драмы, что разыгралась на этом берегу, и была поведена мудрым шкипером.

Глава 2. Адмирал.

Флот всегда любил пофасонить, подчеркнуть свою исключительность, даже в таких мелочах, как макароны или игра в домино.

Банальный, доминошный «козёл», примерив на себя тельник, гордо поднял рога, ведь теперь его «забывали» не за заурядным столом, а за «баком».

Морской «козёл» отличается от сухопутного незначительно, но способен нанести ощутимый урон самолюбию проигравших, из-за некоторых нюансов неписанных правил и терминов.

Мощный удар костью «пусто-пусто», которая до этого была одиноко зажата в потном, волосатом кулаке, обрывает партию на манер боксёрского нокаута. И язвительный вопль: «Сопливый!», возвещает о недельном, несмываемом позоре.

Но самый обидный «козёл», возведённый в адмиральский чин. Для получения этого, почти шутовского звания, соперник должен завершить партию уже одновременно двумя, причём самыми видными, костями: «пусто-пусто» и «шесть-шесть».

«Адмирал» относился к конфузам уже дивизионного масштаба, и мог вспоминаться до месяца.

В военно-морском училище кафедра тактики «забывания козла» отсутствовала, но основные положения этой игры Костя Эф знал. Всё-таки, пять корабельных практик за годы учёбы дают возможность будущему морскому офицеру ощутить своеобразие флотского быта.

– Товарищ лейтенант, присаживайтесь! А то кворума нема...

Грузный мужчина, нетерпеливо постукивающий костяшками домино, приветливо улыбнулся Косте.

– Да, я не очень... как то... – стал отнекиваться Эф, хотя было понятно, что отвертеться не удастся: катер отошёл от плавпричала и взял курс на остров Ша, и других кандидатов восполнить «кворум» не предвиделось.

– Ну, как это «не очень»?! – тоном детского врача, уговаривающего пациента не бояться укола, прогудел толстяк. – Пора начинать осваивать морское дело.

Мужчина, как и его напарник за столом, были по «гражданке», но по их внешнему виду и украинскому говорку, который очень часто слышался у советских мичманов, Костя определил своих потенциальных соперников именно в эту служебную категорию. За данным военным сословием флота страны Советов прочно закрепилось прозвище «сундуки».

Третий игрок, в пару которому и шёл Эф, снял форменное пальто, но оставил белое кашне, элегантно заправленное под чёрную тужурку с погонами мичмана.

Есть, так и хочется сказать, джентльмены, возводящие ношение военной формы, в ритуал. Они всегда начищены, отутюжены, вспрыснуты одеколоном и надменны с равными по воинскому званию.

Шитые по заказу звёзды на погонах, начальствующий взгляд и скверное освещение могли возвести этого «сундука» в чин вице-адмирала.

Он явно не был в восторге от такого партнёрства, и даже вопросительно посматривал в сторону последнего пассажира катера: блондинки, под плащом которой была видна чёрная военная тужурка.

Описание красоты Ирины Викторовны, так звали попутчицу, в своих дневниках Эф не оставил, справедливо полагая, что женское очарование не просто перенести даже на холст картины, а не то, что на страницы повести.

Но в его, уже упоминавшейся синей папке, сохранился фривольный рисунок, навеянный образом Ирины Викторовны, глядя на который, любой врач-сексолог вам скажет, что в тот момент эротические фантазии Кости абсолютно не выходили за рамки нормы. К тому же, военный мундир Ирины Викторовны, пусть и с трудом угадываемый, был оставлен на иллюстрации.

Так вот, пижонистый мичман, одолеваемый недобрыми предчувствиями относительно игроцких умений лейтенанта, чуть было не предложил даме, закрыть своим телом «кворум». Что можно расценить, как жест отчаяния, поскольку это противоречит канонам классического «козла».

И первый «замес» не снял опасений партнёра Кости. Напротив, ходы Эф вызывали у мичмана возмущённые взгляды, а у соперников приливы веселья. Они явно поймали кураж и непринуждённо балагурили.

Эф пошёл по пути, который протоптан игроками неопытными: он стал «тянуть одеяло на себя», как дворовый футболист, норовящий обвести всех игроков команды соперника, и нипочём не желающий играть в пас с партнёрами.

Да, честно говоря, Эф не особо и представлял, как можно помочь напарнику. Костяшки он не считал, кто, на чём играет, не отслеживал, да и вообще, не усматривал в игре маломальски достойной глубины.

Лейтенанта больше волновало присутствие Ирины Викторовны, чьи, обтянутые чёрным капроном, ножки он украдкой разглядывал, убеждённый, что делает это незаметно для окружающих.

Ирина Викторовна, как дама опытная, и понимающая толк в вопросах кокетства, добавила лицу серьёза, который забетонировал её неприступность.

Но потом развеселилась, слушая шуточки-прибауточки соперников Кости. И стала с улыбкой наблюдать за игрой, решив, что сражение за столом занятие более забавное, нежели перестрелка холостыми взглядами с лейтенантом, похожим на только что вылупившегося из яйца цыплёнка.

Перемешивая костяшки домино, один из соперников Эф поинтересовался:

– А вы, товарищ лейтенант, куда назначены: на тральщики или на «горбатые»?

«Горбатыми», за характерный силуэт, называли малые противолодочные корабли. На острове Ша базировалась бригада, в которую входили дивизионы морских тральщиков и мпк.

– На дивизион мпк.

– А на какой корабль?

– На «Махов».

Все подняли головы и посмотрели на Эф. Так молодые родители смотрят на своего пятилетнего сына, который поделился с ними новостью, что оказывается, детей не в капусте находят, а рожают.

Наконец, один из мужчин сказал:

– А чего? Нормальный корабль! На нём тоже «морские» платят.

– Да, ладно. – заспорил другой. – Он же у стенки стоит, как «Аврора».

– И что? Ты глаза разуй! У него же «длинный рубль» болтается, как у всех!

– Я чего помню, что там у него болтается? Он уже год, как в ремонте.

– Какой «длинный рубль»? – вырвалось у Кости.

Все улыбнулись.

– Это вымпел, который поднимается на корабле, находящимся в компании. А экипаж, соответственно, получает «морские». – Мужчина обозначил наличные купюры характерным движением пальцев.

– А «Махов» уже год в ремонте?

– Ну да, и сейчас вам «морских» платить не будут.

– Да, я не про это... А где он ремонтируется?

– На Абрам-мысе.

– А где это?

– Возле Мурманска.

– А... а – протянул Костя, у которого промелькнула мысль, что мыс с таким названием, мог затесаться и на Землю Франца-Иосифа.

– Товарищ лейтенант, давайте уже повнимательнее будем играть! – взмолился Костин напарник, которого оппоненты называли Гриней. И было ли это дружески уменьшенным именем, или насмешливо надломленной фамилией, сказать сложно.

Вид у мичмана стал какой-то перепуганный. Он был похож на встревоженную птицу, углядевшую кошку, на расстоянии прыжка, и судорожно забившую крыльями. Но юный индюшонок с погонями лейтенанта продолжал безмятежно ставить кости, не утруждаясь арифметическими подсчётами.

Даже, Ирина Викторовна, не понимая в игре ровным счётом ничего, но по затихшим соперникам Эф и по багровому лицу его партнёра, догадалась, что «козла» уже подтащили к месту заклания.

А Эф продолжал лепить, что называется «попку к попке».

– Ну, что, товарищ лейтенант, адмиралов будем получать?! – с деланным равнодушием произнёс мичман.

Конечно, это было подсказкой, явным нарушением правил, но даже этот крик отчаяния не был услышан.

Эф, занятый какими-то своими, вполне возможно, весьма глубокими размышлениями, посмотрел на партнёра, пожал плечами и сделал ход. После чего, на одном конце доминошной змеи стало «пусто», а на другом, ядовитыми зубами ощерилась «шестёрка».

Могучий удар костями «шесть-шесть» и «пусто-пусто», едва не разломил стол, заставил Ирину Викторовну подпрыгнуть в кресле и приложить ладонь к своей роскошной груди. А ликующий вопль двух лужённых глоток: «Адмирал!», был такой силы, что в салон прибежал командир катера, видимо, решив, что судно дало сильную течь, и стало тонуть.

Вытирая слёзы счастья, толстяк сообщил ему:

– Гриня теперь у нас адмирал!

Командир, в старой «канадке», оценивающе посмотрел на военно-морского франта и согласился:

– Похож.

Он вернулся в ходовую рубку, откуда вскоре стали разливаться трели учебной тревоги, и матросы швартовой команды облачились в оранжевые, спасательные жилеты.

Глава 3. Рельеф острова Ша, из под козырька фуражки с крабом.

Остров, появившийся на горизонте, к которому шхуна шла долгими неделями, окружённая лишь морской и небесной синевой, может вызвать душевный спазм.

А если вы стоите на палубе катера, пусть и ровесника парусного флота, который неторопливо шлёпает между фьордами, и выясняется, что гранитные исполины с левого борта это материк, а такие же гигантские каменюки с правого, это уже остров, то может возникнуть чувство неловкости перед светлой памятью незабвенного Робинзона К.

Но аналогия со знаменитым моряком из Йорка, проводшим на острове 28 лет, была неуместна, поскольку пребывание лейтенанта Эф на острове Ша изначально было ограничено жёсткими возрастными рамками увольнения в запас младших офицеров. Да, и «хутора Мирного», с его оградками вокруг памятников, возле которых духовой оркестр выдувает грустные мелодии, на острове не значилось.

Нет, когда-то кладбище безусловно существовало, ведь поселение на острове Ша было известно с далёких веков. Люди жили рыбным и, даже, китовым промыслом, а в названии рыбацкого посёлка, процветавшего и в колхозные времена, значилось имя великого князя Владимира Александровича, объезжавшего северные земли империи и лет двести тому назад, посетившего это место.

Но на очередной волне страстей с Западом, когда от непродолжительного братания, настроения перекатились к долгой ненависти, остров перешёл к военным. На карте Баренцевого моря, остров Ша был похож на тесак, который для острастки наговских морских бродяг, вытащили из ножен Кольского залива.

Именно тогда, «хутор Мирный» на острове Ша и перестал принимать новых клиентов.

Вокруг бухты острова, где когда-то стояли рыбацкие лодки, а теперь стайками были пришвартованы малые противолодочные корабли и тральщики, сопки взгромоздились особенно неприступно, оставив крошечный, относительно ровный кусок земли, на котором и приютились две пятиэтажки и несколько строений пожиже. В посёлке имелись котельная, школа, в которой учителей и учеников было почти поровну, магазин, почта и двухсотметровая дорога, с одним— единственным дорожным знаком, созданная, похоже, динамитом.

Улиц, кстати, в посёлке числилось две. Хотя вторая, появилась скорее из-за причуд местного рельефа, чем по замыслу градостроительного ведомства. На одном конце авеню, растопырился красный серп с молотом, своими размерами способный осчастливить какой-нибудь крупный областной центр, а на другом, можно было опять восторгаться суровой красотой моря командора Баренца.

Из иллюминатора каюты командира бригады, своими размерами и формой напоминавшем окно, были хорошо видны и бухта с кораблями, и серп с молотом, и угол пятиэтажки.

В посёлок вела основательная, с площадками, лестница из толстых брёвен. Она, как дорожкой галстук, добавляла внешности сопки солидности, и на морской манер звалась трапом.

Казалось, если подняться по этому, длинному трапу, то за скульптурой эпохи развитого социализма и углом рыжей пятиэтажки, откроется вид на большое городище.

Но не будем плести военную тайну на ровном месте и повторим, что база кораблей размещалась в самом узком месте острова, поэтому поднявшись по бесконечному трапу, человек опять видел свинцовые волны Баренца.

Кстати, на этот счёт, в синей папке Кости, сохранился рисунок, на котором изображён лейтенант в фуражке, с огромным, шитым «крабом», в конце длинного трапа. Литературный вариант подписи к иллюстрации может звучать примерно так: «Подумать только, опять море!»

К комбригу, Костю пригласили, как только он сошёл с катера. Это был коренастый мужчина, лет сорока, у которого шея отсутствовала, а голова была вкручена прямо в широкие плечи.

Если бы этот капитан второго ранга выиграл какое-нибудь важное морское сражение, и благодарные потомки решили увековечить память о нём, то при создании достоверного образа флотоводца, тонких инструментов не потребовалось, а обошлись бы топором и кувалдой.

Но дураков, нападать на страну Советов с моря, не наблюдалось, и претензии капитана второго ранга к мировому империализму не несли конкретики и вписывались в привычный текст советского плаката.

От напряжённой международной обстановки комбриг перешёл непосредственно к долговязой фигуре лейтенанта Эф.

Комбриг повернулся к замечательному окну, и за отсутствием волшебной палочки, взмахнул своим здоровенным кулаком, отчего сонный штиль в бухте острова Ша сменился беспокойной волной Бискайского залива, или даже штормом в Индийском океане.

Но трудяги-«горбатые» имели ограниченную мореходность, поэтому щедрый на перспективы начальник, перенёс лейтенанта Эф на самые современные, советские корабли: ракетный крейсер или даже авианосец, уверенно режущие океанскую волну. Фантазия этого мужчины играла яркими красками его собственных юношеских грёз.

Но бестолковый лейтенант Эф не проникся прелестью повествования, сутулился, безразлично посмотрел на мохнатые звёзды адмиральских погон, которые, по сути, ему протягивали из волшебного иллюминатора, и свернул бескрайние горизонты, развёрнутые перед ним, в тонкую трубочку:

– Я, товарищ комбриг, хочу на торпедной базе служить!

Начальник замер, как обугленный дуб, в который только что шархнула молния. И было, признаться, от чего!

Представьте юную балерину, принятую на службу в Большой театр, которой директор, с дрожанием голоса, рассказывает о волшебном мире искусства, о партии Кармен, которую (может быть, когда-нибудь, если повезёт) она исполнит на гастролях в Лондоне или Риме.

И тут, это небесное создание на тоненьких ножках заявляет, что вышеупомянутая Кармен ей абсолютно «по барабану», и желает она торговать пивом в театральном буфете!

– Езус, Мария!– горестно воскликнул бы капитан второго ранга, имея он склонность к иностранным языкам.

Но на его лице угадывалась безупречная, с точки зрения победившего пролетариата, родословная, и он не искал ответов в латыни.

Командир бригады разнородных сил свернул из своего кулака приличных размеров кукиш и выставил его на обозрение лейтенанту Эф:

– Вот, тебе торпедная база!

Романтические флюиды океанских странствий издохли в каюте комбрига на плавка-зарме, и заключительная часть воспитательной беседы сохлась, как вяленая вобла.

– Вы назначены на мпк «Махов». Корабль стоит в заводе, уже год. Ремонт скоро заканчивается. Завтра отправляйтесь на корабль. Командир сейчас на корабле есть, но мы его скоро с «Махова» заберём, а то он там уже опух от...

От чего мог опухнуть командир малого противолодочного корабля за год ремонта на заводе, так и осталось загадкой. Последняя фраза была явно предназначена не для лейтенантских ушей, и комбриг её оборвал. Затем он порылся в кладовых своей памяти и извлёк слова, более подходящие моменту:

– Без раскочки включайся в работу. С первого дня!

Но потом командир бригады вспомнил про жирный, чёрный крест, который лейтенант Эф, пару минут назад, нарисовал на своей карьере, и с какой-то странной паузой добавил:

– На корабле из офицеров ещё есть механик... Зобнин.

Начальник политического отдела, присутствующий на установочной беседе с лейтенантом, встрепенулся при этой фамилии, хотя при упоминании мирового империализма, он сохранял невозмутимость.

Баритон главного островного политрука окрасился в драматические тона:

– Какая злая шутка судьбы! Подумать только, у Зобнина такое же имя-отчество, как и у человека, развернувшего в стране антиалкогольную компанию: Михаил Сергеевич!

И комиссар жестом пригласил всех полюбоваться портретом, на котором счастливо улыбался Генеральный секретарь партии.

Наверное, державный кормчий был доволен тем, как удачно заретушировали родимое пятно на его лысине, потому что с другими поводами для радости в стране был явный дефицит. А скорбь в голосе начпо, была вызвана непониманием между полными тёзками.

Кремлёвский Михаил Сергеевич считал, что для окончания строительства «социализма с человеческим лицом», достаточно убрать с прилавков магазинов алкоголь.

А Михаил Сергеевич с острова Ша выражал сомнения относительно разумности этого эксперимента, и уж точно, не желал в нём участвовать.

Глава 4. Несостоявшаяся поездка Горького в Чили.

Когда, наконец, вы примостите свой чемоданище на причал, и, в ожидании катера с острова Ша, и сможете неспешно окинуть взором окрестности, то посёлок Видяево дохнёт на вас тоской захолустья.

Это если накануне, в Питере или Москве, вы всей роднёй пытались застегнуть крышку этой семейной «мечты оккупанта», затем в Мурманске, с трудом, втиснули громоздкий чемодан в междугородний автобус, и только потом, долго волокли его, по улочкам города Полярного, которые всегда почему-то уползают в гору.

Но если, следующим утром, по воле судьбы и начальства, вы потащили свои манатки в обратном направлении, то ваши урбанистические капризы останутся на острове Ша. И Видяево, прославленное героизмом советских подводников, покажется уютным, симпатичным

городком. А Мурманск, с его троллейбусами и гостиницей «Арктика», оглушит своей роскошью, как всякий мировой сити.

И Костя сделал крюк, длинной в полдня, чтобы ещё раз взглянуть на крупнейший за Полярным кругом город мира, в котором, к тому же, жил Горький.

Как и в случае с пролетарским писателем, это прилагательное опять выступило псевдонимом. Прозвище прилипло к Игорьку Горькушину в самом сопливом возрасте, и, как сами видите, иначе быть не могло, при наличии у пацана такой фамилии и всенародной известности писателя М.Горького.

Откровенно говоря, эта игра фамилий началась давно, и ещё предков Горькушина друзья и родственники звали Горькими. А один из предков Игорька: отец, был родным братом мамы Кости. Соответственно, Горький, который без литеры «М» перед псевдонимом, доводился Эф двоюродным братом.

Они были ровесниками, но совершенно непохожими людьми, как внешне, так и внутренне. И если бы военные медики выбирали для армии людей действительно ратных, а не придирались к мелочам, то в офицеры взяли бы конечно Игорька, а не Костю. К слову, и не такое уж плохое зрение было у Горького, ведь, в драках он не промахивался. Для него не пустыми словами были понятия чести, долга (в первую очередь, карточного), к тому же, Игорёк никогда не покидал поля боя, и в отношениях с барышнями был настоящим гусаром.

Но в армии не военной поры такие кипучие натуры приживаются с трудом, превращая статистическую цифирь воинской дисциплины в ночные кошмары замполитов.

И как уже было сказано, препятствием для поступления на службу послужило слабое зрение Горького, и теперь он работал радистом на вспомогательных судах Северного флота.

Вся комната Горького: пол, стены, подоконник и даже шторы внезапно оказались голубого цвета, а окно выходило на голубое здание районной поликлиники.

В те далёкие времена, когда геи были просто педерастами и имели свою статью в уголовном кодексе, юмор однополых радостей не пользовался такой популярностью, но комментарий напрашивался.

К тому же, не бог весть какие квадратные метры комнаты, были оккупированы консервами, среди которых высокомерно возвышался столбик банок импортной ветчины, знакомой далеко не каждому советскому желудку.

– Дизайн спорный вышел, потому что боцман смог только голубую краску подогнать – поведал Горький.

– А консервы?

– В Финляндию идём. В ремонт, на полтора месяца.

– И чего?

– Костян, ты вчера родился? Наши люди за границей жрут то, что привезли с родины, а на валюту покупают барахло.

– Так ты же говорил, что после Чили, тебя дальше Териберки не выпустят?!

– К счастью, удалось замять. Я тут посчитал, сколько меня это стоило: жуть!

Незыблемые советские цены отливались в чугуне сковородок, выдавливались на пластмассе ведёрок и печатались на обложках книг.

Цены на американские джинсы тоже были непоколебимы: 180 рублей, но клейма со стоимостью не имели, потому, как в магазинах не продавались, а «доставались» у пращуров российских бизнесменов, фарцовщиков. Эти недостойные сыны отечества шухерились, и при покупке

контрабандных товаров, элемент конспирации давил на нервную систему, как продавца, так и покупателя.

История обретения Горьким заокеанских штанов обросла семейными легендами, но если опираться на милицейский протокол, составленный по итогам банкета по завершении коммерческой сделки, то в конфликте можно было углядеть политический окрас.

Советская пропаганда обладала исполинской мощью, и могла закоптить любые мозги, как дымящиеся ольховые опилки, окуня. Как выяснилось, даже такие, как у Горького. Имеется в виду, не самые комсомольские.

Несколько лет назад, мощнейшие челюсти советской пропаганды разжались на глотке американского империализма, чтобы вцепиться в чилийского диктатора Пиночета.

Генерал возглавил военный переворот в этом далёком государстве, и разогнал правительство, симпатизирующее стране Советов. После чего, три слова: «Пиночет», «хунта» и «Чили» поселились на чёрно-белых экранах телевизоров. Кроме этого, кровавый диктатор бросил в застенки главного чилийского коммуниста, и лозунг: «Свободу Луису Корвалану!», угнездился рядом с девизом советских газет: «Пролетарии всех стран объединяйтесь!»

Наш сердобольный народ сочувствовал чилийскому, но когда телевизионные ужасы кровавого режима начали приедаться, стал привычно ёрничать:

– Повесить бол-ва-на, Луиса Кор-ва-на!

Тут, стоит деликатно заметить, что в адрес собственного генерального секретаря партии, советский народ отпускал и вовсе непотребные рифмы.

Была еще одна глава в чилийской драме, добавившая горечи русской душе.

Как назло, стыковые матчи на чемпионат мира по футболу мы должны были играть с этой южноамериканской страной. И наша сборная не поехала на ответный матч в Сантьяго, на стадион, ещё недавно служивший тюрьмой для политических заключённых. За это сборной СССР было засчитано поражение, и на чемпионат мира поехала команда Чили.

Конечно, не факт, что наши виртуозы кожаного мяча, в своём коронном стиле, не пролетели бы мимо чемпионата, если бы ответный матч состоялся, поскольку дома смогли вымучить только нулевую ничью. Но осадочек, что называется, остался.

Не самым удачным вечером, жар компании против диктатора всё-таки подплавил мозги Горького, не тронутые ни политическими, ни футбольными страстями чилийского разлива.

И Игорьку, вдруг, показалось, что шпионы Пиночета проникли в общагу судоремонтного завода города Мурманска, где он обмывал джинсы фирмы «Вранглер».

Шкары ковбоев дикого запада, волшебного синего цвета, обтягивали далеко не каждый советский зад, и требовали соответствующего застолья. Поэтому водку щедро мешали с портвейном.

Но всё было чинно, благородно и местами интеллигентно. И когда Игорёк, на выходе из гостеприимной общаги, сказал:

– Одну минуточку, я, кажется, забыл в комнате перчатки! – никто не заподозрил ничего дурного.

Горький вернулся на второй этаж, где согласно милицейского протокола, нанёс гражданину Решетову Н.В. два удара рукой, а гражданину Загорулько А.С. один удар, но ногой.

Охранники, в те времена, сидели не в каждом коридоре, а мирное население пребывало в готовности к мобилизации, поэтому драка получила развитие.

Обошлось, к счастью, без серьёзных телесных повреждений, но имуществу общежития судоремонтного предприятия был нанесён ощутимый урон.

Если бы, Игорёк поделился с друзьями, своими подозрениями о слежке со стороны чилийской разведки, которая решила его выкрасть, всё могло обойтись менее бюджетно.

Друзья, наверняка, усомнились бы в намерениях чилийского диктатора Пиночета выкрасть именно Горького. Да, и честно говоря, рожи граждан Решетова Н.В. и Загорулько А.С. не вызывали ассоциации ни с южноамериканским танго, ни с судьбой разведчиков-нелегалов. Впрочем, в Мурманске вообще трудно найти характерный чилийский типаж внешности.

Но Игорёк решил в одиночку дать отпор чилийской хунте, поэтому процесс изъятия милицейского протокола потребовал включения всех семейных связей, изрядных наличных средств и нервов.

Кстати, в протоколе было отмечено, что при задержании Игорёк сопротивления сотрудникам милиции не оказывал и выражал сожаление по поводу произошедшего.

Но это сухой, канцелярский язык, не способный предать счастливых слёз Горького, при появлении родной милиции, прибывшей вытащить его из лап вражеской разведки.

И если бы патрульно-постовой службе было разрешено заполнять протоколы ямбом и хореом, то, конечно же, родилась песня, в стиле шансон, о славном паренёке с кликухой «Горький». Который, рискуя собственным здоровьем, вступил в неравный бой с прихвостнями кровавого чилийского диктатора. А в последнем куплете были бы строчки про братание с милиционерами и их изумлённые физиономии при этом.

– А джинсы тогда в клочья разодрали. – Горький на мгновение вернулся к событиям, давно минувших дней, и тут же озадачился нынешними планами: – Из Финляндии видик привезу.

– У меня, у одноклассника знакомый есть, у него видик. Так он говорит: кассеты дорожные...

– Это, да. Но я думаю, что две кассеты смогу привезти. А потом меняться буду.

– В смысле?

– В Мурманске уже есть штук десять видеомэгафонов. Ну, и народ обменивается кассетами. Всё, что угодно: боевики, мультики, порнуха.

– Порнуха?!

– В полный рост! Я видел: чума! Через два месяца подкатывай – посмотришь. Тебя, кстати, куда назначили?

– Корабль в заводе стоит, в Абрам-Мысе.

– Странно.

– Почему?

– В Абрам-Мысе военных нет. Там только рыбаков ремонтируют.

Эф поблёк, словно парадная мишура военной формы ссыпалась с него, как перхоть, и пробормотал:

– Это мпк переделали из рыболовного траулера.

– «МПК», что такое?

– Малый противолодочный корабль.

– Эк, как тебя угораздило.

Горький опять, чуть было, не обронил слово «порнуха», правда, уже в качестве аллегории, но вовремя спохватился.

Глава 5. Траулер с бомбомётом и Михаил Сергеевич с кодом.

Имя, полученное при рождении, осталось незапятнанным, и когда дело дошло до смены рода, ведь «судно» переделали в «корабль», его оставили прежним: «Николай Махов».

Памятная доска с фамилией этого замечательного учёного, знавшего всё о жизни рыб, висела на одной из центральных улиц Мурманска.

Корабль отличается от судна, прежде всего цветом. Военная доктрина зиждется на единообразии, поэтому все боевые корабли от катера до крейсера, выкрашены в молчаливый, серый колер. А суда, даже приписанные к военно-морскому ведомству, могут позволить себе некоторое лакокрасочное вольнодумие.

Но серая «шинель», напяленная на «Николая Махова», отдавала маскарадом, как в школьном спектакле, где генерала изображает юноша, в атрибутах, которые удалось собрать одноклассникам: милицейской фуражке, солдатском мундире и высоких болотных сапогах.

Безусловно, «Махов» выглядел опрятнее, чем пришвартованные у причала судоремонтного завода, траулеры, одного с ним проекта, многие из которых зияли оспинами ржавчины.

Но не было в его линиях того хищнического профиля охотника за субмаринами, и той мужественной красоты, что превращает военный парад в волнующее зрелище, которые приуси боевым кораблям.

В его обводах угадывался трудяга, готовый к тяжёлой работе в любых широтах и встрече с самым жестоким штормом. Кстати, мореходные качества настоящих мпк, не подразумевали покидания прибрежной зоны.

Имелось у «Махова» и кое-какое вооружение: на палубе были установлены однотрубные торпедные аппараты, на баке пушечка и установка для реактивных снарядов, и на корме, направляющие для сбрасывания глубинных бомб.

Надёжность этого вооружения проверялась ещё дедами нынешних матросов. И это родило «Махов», с ополченцем, явившимся на сборный пункт с ружьишкой, завалявшимся ещё с «позатОй» войны.

Акустику, отцы-конструкторы, давшие «Махову» новую, военную жизнь, оставили прежнюю, справедливо полагая, что если станция отыскивает косяк селёдки, то она и американскую атомную подводную лодку не проглядит.

На флоте, командир корабля фигура религиозная, он ведь, для экипажа заместитель бога. А босс, сами знаете, часто бывает занят, а то и вовсе в командировке или в отпуске, поэтому часто только от командира корабля всё и зависит.

Но с тогдашним командиром «Махова» дело обстояло несколько иначе. Во всяком, случае в записках Эф, героических метафор для него не нашлось, а присутствует матерщина по поводу шпионерного им, на прощание, бинокля.

Этот «ремонтный» командир, вскоре отправился на очередной мпк, надолго вставший в завод. К тому же, в день прибытия Эф на корабль, он отсутствовал, и старшим на борту был механик Зобнин.

Это был мужчина ближе к сорока, плотного телосложения, с аккуратной причёской, припорошенной ранней сединой, и носом-картошкой, которым он шмыгал, когда считал нужным поставить в конце предложения восклицательный или же вопросительный знак.

Михаил Сергеевич был в спортивном костюме и принимал на верхней палубе воздушные ванны, щедро разбавленные дымом «Беломорканала».

– Здравия желаю – сказал Эф, и чуть подумав, приложил ладонь к фуражке.

– Здорово. Я так понимаю, лейтенант, который не хочет ходить в море?! Слава тебе господи, дождались! – Михаил Сергеевич шумно втянул воздух своей картофелиной. – Это именно то, чего нам недоставало для полного и бесповоротного счастья.

– А вы откуда знаете... ну, про море? – порозовел Костя.

– Юноша бледный со взором горящим, вы меня шокируете. Ты комбригу сказал, что хочешь служить на торпедной базе?

– Ну, да, вчера. Но где остров Ша, и где Абрам-мыс?

– Странный ты малый. Дожил до лейтенанта, и не знаешь, что для слухов провода не нужны? – Михаил Сергеевич пожевал мундштук папиросы и шмыгнул носом: – Дурак, ты лейтенант.

– Почему? – покраснел Эф. Потом понял, что его вопрос принял сторону механика, и побагровел.

– Потому что теперь, на радость почтенной публики, тебя будут возить мордой об стол все кому не лень.

Лейтенанту хотелось нанести ответный укол, и он сделал выпад, но запутался в сетях субординации.

Всё-таки, механик был старшим по воинскому званию, целым «капитан-лейтенантом», но командиром только боевой части, а лейтенант Эф помощником командира всего корабля.

Столь головокружительная карьера объяснялась просто. Мпк «Махов», хоть и превышал своим водоизмещением «нормальные» мпк, в корабельной иерархии стоял ниже, со своим четвёртым рангом, в то время как «горбатые» относились к кораблям третьего ранга.

Соответственно, по штату, на корабле было всего три офицерские должности: командир, помощник и командир электромеханической боевой части. То, что к должности помощника пристёгивались все остальные корабельные боевые части, службы и бесчисленные внештатные обязанности было всего лишь деталями, нюансами и сюрпризами.

Таким образом, уши лейтенанта Эф, согласно должностным полномочиям, возвышались над погонами капитан-лейтенанта Зобнина, на которых по выражению Михаила Сергеевича, звёзд было, как на Млечном пути.

– Тебе...вам, начальник политотдела тоже привет передавал.

– Чтоб ты знал, начпо мой единокровный брат.

– В самом деле?

– Ты представить себе не можешь, сколько крови мы выпили друг у друга.

– Понятно.

–Но теперь его тревоги за меня напрасны.

– Это почему же?

– Я второй месяц, как закодировался. – Михаил Сергеевич элегантно щёлкнул себя в районе своего могучего кадыка.

Бодрый вид, розовый цвет лица и спортивный костюм, пусть и на фоне второй «беломорины» подряд, подтверждали это, скорее философское, чем медицинское, решение в судьбе механика.

Михаил Сергеевич швырнул за борт окуроч, словно поставив точку в этом непростом вопросе, и перешёл к не менее запущенному:

– А почему, ты в море ходить не хочешь?

– Блюю.

– Ну, и что?

– Ну, я очень сильно укачиваюсь. Вестибулярный аппарат слабый.

– А за каким лешим, ты на флот пошёл?

Логичные вопросы далеко не всегда имеют логичные ответы, поэтому Эф пожал плечами, и вывалил то, что было:

– Наверное, семейная традиция. У меня отец капитан первого ранга.

– Всем было бы спокойнее, если бы твой папаша работал гинекологом.

– Может быть.

– Ну, так пусть отец перетащит тебя куда-нибудь, где не капает.

– Не может он... теперь.

– Почему?

– На пенсион его попросили.

Эф щёлкнул себя по горлу, озвучивая крушение папиной карьеры, налетевшей на айсберг антиалкогольной компании в стране.

– Понятно. – кивнул Михаил Сергеевич. – Но без папы, я не знаю, как ты переведёшься на свою торпедную базу, потому что о «море на замок в 18.00» мечтают многие. Правда, кроме тебя, вслух этого никто не говорит. Поэтому, в твоём случае, «Махов» подходящее место. С учётом того, что из кандидатов на должность командующего Северным флотом, тебя уже вычеркнули.

– Почему?

– Ну, потому что как-то стрёмно доверять такому субъекту ядерный флот.

– Да нет. Почему «место подходящее»?

– «Махов» отходит от причала не намного чаще, чем «Аврора». Да, и то для того, чтобы загрузиться в Мурманске консервами, досками и прочим барахлом. Но это, если на борту нет «партизан».

– Партизан?

– Конечно, это ведь корабль для переподготовки резервистов. Тебе, что об этом в кадрах не говорили?

– Кадровик спросил, есть ли у меня преподавательские способности.

– Какие? «Преподавательские»?

– Так их же обучать надо...наверное.

– Они тебя сами научат, профессор! Ты, кстати, женат?

– Женат.

– Жена где?

– В Питере, с дочкой.

– Ну, вот, как придет, скажи ей, чтобы не вздумала партизанам одеколон покупать!

– С какого перепуга, она будет партизанам одеколон покупать?

– Ну, они её, сто пудов, об этом попросят. А на острове Ша, между прочим, сухой закон. И одеколон в лавке им не отпускают. Вот, они и пытаются через новеньких отовариться. Они нажрут, а комбриг тебе же башку и открутит.

Лейтенант погрузился в размышления, озадаченный внезапным появлением на своём горизонте, партизан.

– А подготовка... с ними проводится? Стрельбы, например, торпедные.

– Если тебе пострелять хочется, попросись на «горбатые», там этого добра – залейся. А «партизаны» готовятся сами. Один трюм «Маслова» переделали под матросские кубрики, вот там они и готовятся. На койках, в три яруса. Как одна партия подготовится, так другая подъезжает, через полтора месяца.

– Они же одуреют за сорок пять суток!

– А я тебе про одеколон, просто так, что ли говорю?

– Но подготовку им организовать должны были...

– «Должны были» в восьмидесятом году коммунизм построить и деньги отменить. Но уже на пять лет опаздываем, а отменили пока только водку.

Эф вздохнул, как будто срыв сроков построения бесклассового общества, в отдельно взятой стране, стал для него открытием.

– А матросов на корабле сколько?

– По штату девятнадцать, в наличии пятнадцать. По бойцам, тебе всё Эбёнс расскажет.

– Кто?

– Боцман.

– Русский?

– Однозначно.

– Фамилия у него какая-то странная.

– Это псевдоним. Но он его себе не сам выбирал, поэтому так называть боцмана не рекомендуется.

Глава 6. Душевные муки боцмана Эбёнса.

Свой вес Валерий Яковлевич, почему-то, мерил не килограммами, а пудами. И если возникал вопрос, сколько он всё-таки весит, Яковлевич, с сомнением грузчика, которому предстоит «на глаз» определить тяжесть конструкции, похлопывал себя по животу:

– Я сейчас набрал немного... – и выдавал приблизительный результат прикидок: -Пудов семь... с гаком.

Ну, и конечно, когда такая семипудовая махина, грохнулась в трюм, шансов остаться целой, было мало. Там, ведь, свободного полёта метров пять! Вот, у Яковлевича, позвонки и хрустнули, покрывшись трещинами.

Тогда грузоподъёмной операцией по эвакуации своих семи пудов, боцман, лёжа в трюме, руководил лично, потому что в непростых ситуациях привык полагаться только на себя.

С того падения прошло пять лет, не притушивших огоньки в глазах Яковлевича, но оставившие ему на память о несчастном случае, нервный тик и глубокие познания в отдельных разделах медицины.

Ввиду малочисленности офицерского состава на «Маслове», количество едоков в кают-компании, было увеличено силами мичманов корабля, включая, конечно, и боцмана.

И нервный тик Яковлевича, настораживал Эф, поскольку они сидели рядом. Первое время, лейтенант не мог избавиться от ощущения, что боцман заглядывает в его тарелку.

А познания Яковлевича в медицине озвучивались парой слов по латыни, оставивших глубокий след в его душе, и рассказом, как брали пункцию спинного мозга.

После длительного лечения, справку о годности к военной службе не давали, и боцман согласился на очередную пытку. Происходило это в восьмой раз, что значительно увеличивало шансы Яковлевича, стать клиническим идиотом, потому как, сами понимаете, позвоночник это не то место, куда можно безбоязненно втыкать иглы.

Когда его положили на хорошо освещённый стол, доктор сказал:

– Ну, держись, моряк, сейчас больно будет.

– Я знаю – невнятно ответил Яковлевич. Говорить ему мешал платок, который он закусил в ожидании боли.

– Откуда?

– Так, в госпитале, пока лежал, семь раз брали.

– Сколько?!

– Семь.

– Они, что там, офуели?!

Из-за марлевой повязки на лице, казалось, что доктор путается в шипящих согласных. Док снял маску и выписал справку без мучительной процедуры.

Это, конечно, весьма вольный пересказ новеллы Яковлевича о бесконечных медицинских мытарствах, не передающий авторской лексики. В записках лейтенанта Эф имеется протокольная запись монолога, которая, увы, не может быть здесь приведёна, но объясняет, почему к боцману прилип этот дурацкий «Эбёнс».

У людей с интеллигентной внешностью принято извиняться за каламбуры. Авторский коллектив, данного художественного произведения, тоже не пальцем деланный, поэтому, любезный читатель, не обессудь: на флоте боцман фигура узловая, и дело не только в морских узлах, в которых, кроме него, мало кто не запутается.

Ясное дело, что и без механика, и без штурмана, корабль не зайдёт даже за угол ближайшего полуострова. Но, не разводя бессмысленные дискуссии о том, чьи корабельные обязанности шире и глубже, заметим только, что механик и штурман, есть и в авиации, и в автогонках, а вот боцман только на флоте.

Если же взять такую боевую единицу военно-морского флота, посошкового периода страны Советов, как малый противолодочный корабль «Николай Махов», то на его верхней палубе, фигура боцмана Эбёнса возвышалась, как скульптура поэта Пушкина на одноимённой столичной площади.

Остров Ша радовал адмиральский глаз своим расположением, не только с точки зрения возможной морской баталии, но и неисчерпаемым педагогическим потенциалом. Здесь служило много военных, совершивших на материке что-нибудь выдающееся, но не то, за что дают ордена, а из-за чего возникает желание пристрелить.

И судьба «Махова» органично вписывалась в суровый рельеф острова. По большому счёту, военная карьера корабля, с его рыбацким прошлым, не задалась. Ведь многие гениальные идеи со временем накапливают моральную усталость, и если от них не отказываются вовсе, то задвигают в самый дальний угол.

Вот и блестящая мысль, посетившая чью-то стратегическую голову: в тревожный для Отчизны час, ставить на рыбацкие фелюги бомбомёты и топить вражеские субмарины, с развитием военного атома, поблёкла.

И «Махов», на который поначалу возлагалась грандиозная задача по подготовке экипажей для этих убийц подводных лодок, чуть погодя, обрёл вид старого жбана, от которого толку в хозяйстве мало, а выбросит жалко.

К тому же, резервисты, которых народ, не просто так, назвал «партизанами», своим видом пейзаж флотской столицы не облагораживали.

И «Махов» привязали к плавпричалу острова Ша, где и от учебного процесса ничего не отвлекает, и мобилизационные секреты державы надёжно скрыты от посторонних глаз.

А три офицерские должности корабля, по сути, стали резервом отдела кадров флотилии. И для командования «Маховым», стали присылать, то лейтенанта, которому не досталось должности на боевом корабле; то капитан-лейтенанта, от которого с трудом избавился Тихоокеанский флот и теперь мучился Северный; а то, даже, капитана третьего ранга, спалившего свою блестящую карьеру, собственной невнимательностью к оружию, секретам или женщинам.

Яковлевича это, скорее, злило, чем расстраивало, и уж точно, не могло заставить менее ревностно исполнять свои обязанности или вовсе опустить руки. Да, и было ли вообще что-то, что заставило бы опустить руки Яковлевича?

Воли Эбёнса хватило бы не только для командования родным кораблём, но и всей бригадой, куда он входил, но мичманские погоны чуть сдерживали флотоводческие дарования Яковлевича.

На не по-настоящему, военном корабле «Николай Махов», если и было, что-то истинно флотское, без сомнения достойное военно-морского флага, так это, в первую очередь, грузная фигура Валерия Яковлевича Вяткина, боцмана корабля.

Мичман Эбёнс был сродни музыканту, обладающему абсолютным слухом, но волею судеб, заброшенному в оркестр, в котором дирижёрской палочкой размахивает, путающий ноты, заведующий сельским клубом. И точно так же, как пианиста, взращённого в трепетном отношении к искусству, коробит, когда на рояле чистят воблу, так и Яковлевич терял душевное равновесие, обнаруживая болтающиеся за бортом концы или ещё какие-нибудь «сопли».

Флотский этикет категоричен, как антураж великосветского бала. И свисающая с борта корабля ненужная верёвка, может вызвать такое же негодование, как и появление в дворянском собрании графа в смокинге, одетом на голое тело.

Но если, свои кранцы и всякие «огоны с коушами», составляющие несметное хозяйство боцмана, Эбёнс содержал в состоянии близком к идеальному, то швартовки «Махова» доставляли ему душевные муки.

Если на минуточку вернуться к вышеозначенному пианисту, то можно обнаружить определённое сходство, между исполнением концерта Шопена в большом зале консерватории и швартовой операцией эскадренного миноносца «Неустршимый» в столице Северного флота. И то, и другое способно вызывать восхищение, гордость и аплодисменты. Причём, сдержанные, поскольку и почитатели классической музыки, и моряки люди воспитанные.

Это завораживающее зрелище: корабль, встающий к причалу, после дальнего похода. Величественная мощь эсминца, приближающегося к причальной стенке; экипаж в парадной форме, выстроенный вдоль борта; швартовые команды в оранжевых спасательных жилетах, заводящие швартовые концы; буксиры, деликатно помогающие большому кораблю; не громкие команды и доклады по трансляции.

Но в истории с «Маховым», во всяком случае, с тех пор, как он поменял рыбацкую долю на серый цвет бортов, у наблюдающих его швартовки, позывов к аплодисментам не возникало.

Одиозные швартовки «Махова» скрежетали разодранным железом, грохотом сломанных брёвен причалов и оглашали окрестности скорее воплями начавшегося Армагеддона, чем командами и докладами.

А Яковлевичу было забронировано место в эпицентре этого военно-морского недоразумения, потому что он являлся «командиром баковой швартовой команды». То есть, при швартовках, Эбёнс стоял на носу, которым «Махов», пришпоренный с ходового мостика очередным капитан-лейтенантом, который никогда не будет капитаном 3 ранга, бодал чей-то борт.

И на голову боцмана, кружа в воздухе, как золотая листва бабьего лета, опускалась матерщина экипажа свежесобранного корвета.

Эбёнс выслушивал эти сентенции со стойкостью завхоза, взятого в плотное кольцо, поси-невшими от холода офисными сидельцами.

Случайно оказавшийся соседним, борт, к своему ужасу, мог получить увечья, не только при швартовке «Махова», но и при его отходе от причала.

При установке торпедных аппаратов на палубе, тогда ещё рыболовецкого траулера, выяснилось, что они упираются в фальшборт. Ну, и конечно, сделали овальный вырез, чтобы атомным лодкам типа «Джордж Вашингтон» было о чём призадуматься.

Как отреагировали американские атомные субмарины на конструктивные доработки траулера, осталось неизвестным, но те, кто был пришвартован соседним корпусом к «Махову», от выреза сатанели.

Огромный консервный нож, который представлял вырез в его борту, цеплял и корёжил соседа .

Первая швартовая операция в карьере лейтенанта Эф, запала в его душу, именно этим чудовищным скрежетом изуродованного металла, и проклятиями , пришедшимися, как обычно, на голову Эбёнса.

Участие лейтенанта Эф, в том мореплавании от одной заводской стенки до другой, было мизерным, поскольку допуска к управлению у него, конечно же, не имелось, но впечатления он получил самые яркие.

Когда ситуация спустилась с экстремальных вершин, а нервный тик Яковлевича вернулся к привычной частоте, боцман подвёл итог швартовой операции:

– Манёвр, достойный адмирала Нельсона... эбёнс.

Глава 7. Штаны резиновые, часы морские и бомба учебная.

Схожесть акта инвентаризации с половым актом, в некоторой нервозности, при их составлении в первый раз в жизни.

Но для акта инвентаризации нужна ещё и комиссия, в составе: председателя комиссии и её членов. И если в рядовые члены комиссии можно записывать кого угодно, то с кандидатурой председателя ясности не было, и Эф сказал механику:

– Михаил Сергеевич, я тебя в председатели комиссии назначил.

Тонкую сеть субординации, упроченную сединой механика и боцмана, Костя распутал удачным, как ему казалось, манером. Эф называл «меха» Михаилом Сергеевичем, но с ударением на «ты», а Эбёнса, Валерием Яковлевичем, с подчёркнутым «вы».

Правда, ответной любезности, в виде «Константина Игоревича», не дождался, списав это на своё, как он считал, не самое лёгкое, в произношении, отчество.

Капитан-лейтенант Зобнин, по нужде, пользовался должностью Эф: «пом» или «помощник», а боцман обращался к Косте строго по званию: «товарищ, лейтенант», но в богатой палитре интонаций, среди которых, преобладало удивление.

– Куда, ты меня назначил? – спросил механик, не отвлекаясь от котлеты, которую он препарировал вилкой, элегантно отогнув мизинец.

– Председателем комиссии по инвентаризации. Я дела принимаю.

– Я рад, что ты наконец-то разродился. Но, вообще-то, инвентаризацию проводят на следующий день, после прибытия на корабль, а не через месяц.

– Ну, я занят был...

– Чем?

– Ну, разным...

– Похвально.

Котлета обрела временное пристанище в желудке механика, и он перевёл взгляд на лейтенанта:

– Ты рапорт о приёме дел писал?

– Да, в первый день. Командир сказал, иначе зарплата не будет начисляться.

– Вот, видишь: дела ты уже принял. К твоему сведению, последнего помощника командира «Махова» перевели на «горбатый» девять месяцев назад.

Механик, вдруг, икнул и испуганно посмотрел на Эф. Было непонятно, что встревожило Михаила Сергеевича: долгие девять месяцев, когда корабельное хозяйство «Махова» велось без бесчисленных «Журналов, учёта материальных средств» или внезапный ик.

Но похлопав себя по груди, и, убедившись, что его здоровье вне опасности, «мех» продолжил:

– Посему, предполагаю, что у тебя завалы по всем направлениям. Командир, который формально принял дела своего помощника девять месяцев назад, теперь эту кучу разгрести не будет. Ему легче тебя придушить. А мне, эти ваши забавы нужны, как зайцу триппер. У меня своих дел хватает. Поэтому, пом, назначь председателем себя, желаю тебе успехов и до будущих встреч!

Михаил Сергеевич шмыгнул носом и поднял стакан с компотом к свету, как это делают сомелье, прежде чем начать дегустацию.

Боцман тоже не стал рисовать радуго, на обозримых горизонтах лейтенанта. Традиционные «эбёнс», которые Яковлевич использовал в качестве знаков препинания, сегодня звучали сочувственно.

– Командир, конечно, не особо вникал ... Он, ведь, тут, ... временно. Хорошо бы вам, товарищ лейтенант, дивизионные специалисты ... помогли бы. Но, эти, ... деятели разве помогут?! А вам одному, конечно, трудноато ... будет. – и после участливой паузы добавил:

– Вам, товарищ лейтенант, в Росту... надо съездить.

– Куда?

– Это пригород Мурманска... Лучше сейчас, пока мы в Абрам-мысе стоим. С острова Ша... будет сложнее выбираться.

– А зачем?

– Так... на сверку. Вам ведь, по всем управлениям надо сверяться, что за кораблём числится.

– И все управления в Росте?

– Какие-то в Росте... какие-то в Североморске, что-то в Полярном.

«Махов» отличался от ракетного крейсера, как разнятся актёр, прыгающий в роли зайца, на подмостках театра города К., что за Уральским хребтом, с великим и «народным» артистом, расхаживающим в царских одеждах по сцене столичного театра.

Но как, и жизнь «зайца», и жизнь «царя» расписаны в учении Станиславского, так и флотский уклад закреплён в корабельном уставе. И эта синяя книга, не делает различий между экипажами «Махова» и ракетного крейсера, выстраивая их по боевым частям и службам. А если, кто-то по недомыслию брякнет:

– Ну, какая может быть на «Махове», к примеру, боевая часть номер два?! В смысле, ракетно-артиллерийская.

То такому субъекту следует напомнить о пушечке на баке «Махова», или, если угодно, пулемёте. И пусть, артиллерийская мощь «Махова», и уступает ударному потенциалу крейсера, но толщина всех этих журналов учёта, планов боевой и политической подготовок его «боевой части два», ничуть не жиже фолиантов БЧ-2 ракетноносца.

И когда бы, Эф не имел скверной манеры впадать в ступор, при малейшей царапине на своей судьбе, то мог бы отыскать сходство между кругом обязанностей помощника командира мпк «Махов» и бескрайними заботами сельского фельдшера, представляющего в одном лице, терапевта, окулиста, хирурга и завхоза. Тем более, что служба «М» (медицинская), входила в этот круг.

Но пять лет, проведённые в военно-морском училище, дают человеку проверенный способ борьбы с паникой в собственной душе: глаза боятся, а руки делают. И Эф сгрёб документацию боевых частей и служб корабля: штурманской, артиллерийской, минно-торпедной, связи, радиотехнической, химической, медицинской и снабжения.

Авиационной боевой части, по счастью, на «Махове» не было, а электромеханической руководил Михаил Сергеевич.

Если обратиться к медицине, как к кладезю аллегорий, то относительно всех этих амбарных книг можно сказать следующее.

Документация на «Махове», находилась даже не в зачаточном, а скорее в послеоперационном состоянии, когда подпольный аборт уже произведён, и затрачены определённые усилия, чтобы это событие не стало достоянием родственников и коллег по офису.

– Валерий Яковлевич, мне кажется, что из этой писанины невозможно, что-нибудь понять.

В ответ, боцман согласно дёрнул нервным тиком, и обозначил причину скоростижной смерти корабельной канцелярии:

– Так, тут же командиром был Керекеша ...

В данном случае «эбёнс» выступал у боцмана весьма восклицательным знаком.

Капитан третьего ранга Керекеша расшиб свою судьбу о гранёный стакан. И когда оказался на «Махове», до него дошло, что это последний выступ в скале за который можно ухватиться, чтобы не оказаться в пропасти, где уже валялись искорёженные запоями, а когда-то блестящие, карьеры многих талантливых людей.

И в первый день своего командирства, капитан третьего ранга Керекеша был настроен решительно, о чём и сообщил экипажу:

– Я вас, б..дей, доведу до автоматизма. Корабль станет передовым в бригаде, а потом и на всём Северном флоте!

По канонам военного ораторского искусства, после такой пламенной речи, требовалась жирная точка.

Выручил какой-то небрежно заполненный формуляр, который был тут же яростно разорван капитаном третьего ранга, словно являлся последним препятствием, на пути «Махова» во флагманы Северного флота.

Дав понять, что ждёт сомневающимся, командир приказал собрать корабельную документацию. Керекеша не был расположен к долгим ожиданиям, поэтому папками, служебными журналами и формулярами успели набить только два картофельных мешка.

– Сжечь это говно.

Дабы заодно не спалить дивизион малых противолодочных кораблей, костёр развели возле подсобного хозяйства, чем вызвали учащённое сердцебиение у местных худосочных свиней, решивших, что их хотят пригласить на пикник.

Наши реформы всегда задумываются из нескольких этапов, но часто заканчиваются на первом, и Керекеша не стал нарушать национальную традицию.

На второй день его командирства, был получен спирт или, как говорят моряки, «шило».

Нормы снабжения спиртом в военно-морском флоте не секретны, но загадочны. Керекеша тоже удивился размеру железной канистры. Он задумчиво взял её в руки и ушёл в свой последний, во всяком случае в ВМФ, запой.

– Керекеша сказал, что всю документацию заведёт новую. Образцовую. – поведал Яковлевич, и лейтенанту показалось, что боцман даже позабыл вставить свой привычный «эбёнс».

Пересчёт корабельного хозяйства, Эф начал со службы «Х». Исходя из тех данных учёта, или как выражался Костя «наскальных надписей», что удалось обнаружить, могло показаться, что дела в химической службе обстояли не так уж и плохо. Во всяком случае, мешков с химкомплектами было, даже больше, не 19, а 20.

«Химкомплект» это резиновые штаны и куртка, позволяющие продолжать наслаждаться жизнью, после применения противником оружия массового поражения.

Но радость оказалась преждевременной. В 20 мешках находилось 13 штанов и 27 курток.

– Это всё рыбаки... – констатировал Яковлевич. – У них эти резиновые штаны очень ценятся, а куртки им без надобности.

– И чего теперь делать?

– Так списывать. Только эти штаны... очень уж трудно списывают.

Ещё на одну «химическую» засаду Эф напоролся, разбираясь с приборами:

– Все на месте и номера совпадают – облегчённо вздохнул Костя.

– Приборы-то на месте: кому они нужны? – в голосе Яковлевича замаячила какая-то «поганка».

– А что не так?

– Там, у одного прибора должен быть пробник.

– Какой пробник?

– Радиоактивный.

Встревоженный пересчётом резиновых штанов, Эф забеспокоился:

– И что?

- Нет пробника.
- А где он?
- Его Миклован за борт выбросил.
- А кто это?
- Механик, тут, такой был.
- Миклован это фамилия?
- Нет. Фамилия у него: Антошкин.
- Так, «химия» это же вотчина помощника. За каким чёртом туда механик полез?
- У них отношения плохие были. Помощник за ним с кортиком по кораблю бегал.
- После того, как Миклован пробник выбросил?
- Нет, по другому вопросу.
- Весело у вас тут было.
- Яковлевич выразил согласие нервным тиком.
- А прибор списать не пробовали?
- Пробовали.
- И что?
- А как его без пробника спишешь?
- Так, за каким... этот придурок его выбросил?!
- Он за потенцию свою очень переживал.
- Ну, и как с потенцией у Миклована?

Судя по мимике боцмана, прелюбодеяние не являлось главным грехом командира «боевой части пять» мпк «Махов».

Остаток дня Эф провёл среди тюков с постельным бельём, подушками и одеялами. При этом, Костя так и не смог определиться, с какого именно размера простынь перестаёт быть таковой, и начинает сбивать ровный строй цифр вещевых аттестатов.

Большие волнения Эф испытал, начав поиски «полушубков овчинных» и «полупальто меховых». Но в итоге, какие-то выдавшие виды зипуны отыскались. Те ли это были «полупальто» и «полушубки» неизвестно, но по количеству сошлось.

А с утра Эф взялся за штурманию. И когда он уже было собрался удивиться отсутствию недостачи, выяснилось, что не хватает трёх «часов морских».

Штурманский электрик старший матрос Отс пожимал плечами и растягивал слова с эстонской неторопливостью:

– Я служу тут третий год. При мне, здесь никто, никогда, ничего, не пересчитывал. Но когда я был «молодой», тут служили братья Жироуховы. И им нужен был фосфор, чтобы буквы «СФ» на погонах светились, когда они будут возвращаться в родную деревню. Я думаю, что фосфор с циферблатов «часов морских» находится на дэмэбэшной форме братьев Жироуховых. А сами часы сделали бульк.

И старший матрос Отс показал рукой за борт малого противолодочного корабля «Николай Махов».

Ещё за «Маховым» числилась глубинная бомба. Правда, учебная. Но если пропажа штанов резиновых или часов морских, органично вписывались в логику наших широт, то отсутствие на корабле бомбы, к тому же учебной, вызывало недоумение.

Про бомбу Эф узнал через три месяца, когда всё-таки сподобился доехать до Росты.

Нет, Костя пытался отправиться в таинственную Росту, но каждый раз командир выражал неудовольствие, по поводу длительного отсутствия Эф на корабле, и поездка переносилась. Поэтому сверку Костя смог сделать только, когда сменился на «Махове» командир.

К этому моменту, дракон раздирающий душу и кошелёк, любого помощника командира корабля: нехватка, затаился за спинами других персонажей острова Ша, принимающих не менее активное участие в жизни лейтенанта Эф.

Глава 8. Рубежи.

Ремонт «Махова» шёл, как лечение больного, которого пристроили в коридоре лазарета, и исцеляют аскорбинками и йодной сеточкой.

В октябре, перед самым выходом из завода, у Эф случилась оказия до Мурманска, и он заскочил к двоюродному брату Игорю Горькушину. Горький только что вернулся из Финляндии.

Советские люди, но состоянию здоровья, не побывавшие в космосе, могли испытать схожие полёту в межзвездное пространство эмоции, за границей. Хотя, шансов прогуляться по Бейкер-стрит было не больше, чем лично убедиться в том, что наша планета не покоится на четырёх слонах. Поэтому для тех, кто своими глазами не видел Эйфелеву башню, выпускался журнал «За рубежом».

Но среди знакомых, люди, пересекавшие «рубеж», встречались, и один из них сейчас озабоченно ходил по своей комнате, декорированной в голубых тонах, что-то разыскивая.

Горький был похож на знаменитого артиста, которому порядком надоели интервью, но он понимает, что это часть его работы, и, разбуди его даже ночью, готов выдать в эфир кусок текста о своём детстве, любимых режиссёрах и творческих планах.

Наконец, он нашёл то, что искал и протянул Косте крошечный калькулятор:

- Это тебе. Сувенир.
- Спасибо. Дорогущий, наверное?
- Совсем нет. Копейки.
- А батарейки, к нему какие?
- Ему не надо батареек.
- В смысле?
- Он от света заряжается. Видишь этот квадратик?
- Ни фиги себе!

Коричневый квадратик светоприёмника на калькуляторе, мерцал, как цветной камешек в пробе серого лунного грунта.

Своими размерами и весом, счётная машинка отменяла некоторые законы физики. Ведь, советские калькуляторы можно было использовать, в качестве гнёта на кадке с квашеной капустой.

Из других заморских чудес света, в глаза бросался телефон в комнате Горького. Собственно, это была только телефонная трубка, и прямо на ней размещались миниатюрные кнопки набора.

Костя уже видел телефонные аппараты с кнопками. Но это были, действительно, аппараты! К тому же, кнопки на них создавали ощущение, что ты запускаешь баллистическую ракету, а не набираешь номер кореша.

А вот, видеоманитофон Эф видел впервые.

– Что будем смотреть порно или мультики? – спросил Горький, и уточнил: – Третью кассету с боевиком я одолжил.

«Порно», произнесённое вместо «порнухи», представляло Горького, как человека, отдающего предпочтение цивилизации запада перед дикостью востока.

Эф пожал плечами, видимо сомневаясь, что «мультики» позволят оценить весь масштаб, грянувшей технической революции.

– Понятно.

Видеомагнитофон втянул кассету, и Горький нанёс двоюродному брату очередной нок-даун, включив видик, даже не прикоснувшись к нему рукой! Пультom!

По изобилию на экране, порнографический фильм не уступал классике отечественной кинематографии: «Кубанским казакам».

В начале, советское ухо Эф, приученное к потаённому смыслу в диалогах, выискивало знакомые английские слова, пока герои и героини были ещё одеты. Но вскоре выяснилось, что слова не английские, а немецкие, и сюжетные линии не спутаны в узел, как в драме о жизни металлургов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.